

УТВЕРЖДАЮ

Директор

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

В. В. Полонский

«*В. В. Полонский*» 2020 г.

**Отзыв ведущей организации
федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук»
о диссертации Поляковой Анны Александровны
«Опыты реконструкции творческих замыслов А.А. Бестужева-Марлинского
1820–1830-х гг.», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература**

Тема, избранная для диссертационного исследования, всегда дает хоть и первоначальное, но достаточно точное представление о профессиональном складе ученого, круге его интересов и предпочтений. В данном случае мы имеем дело с выбором для изучения яркой творческой фигуры, однако означившей себя, главным образом, не классическими (навсегда совершенными) художественными текстами, но прежде всего репрезентативным участием и огромной ролью в самом мощном ходе литературной жизни 1820-1830-х гг. Это предопределяет сочетание двух аспектов исследования: монографического и историко-литературного. Очевидно также, что внимание автора устремлено к наименее известной стороне художественного наследия А.А. Бестужева-Марлинского – творческой истории воплощенных и в большей мере нереализованных замыслов.

Предмет исследования и его задачи четко обоснованы и определены во «Введении». Здесь представлена аналитическая история изучения творчества Бестужева-Марлинского, с характеристикой ее основных направлений и тенденций, а также с аргументированной констатацией некоторого кризиса (мнимой исчерпанности) традиционного пути рассмотрения этой темы: «...исследование жизни и творчества Бестужева-Марлинского в какой-то момент зашло, как кажется, в своеобразный тупик» (текст диссертации, с. 5 – далее только с указанием страницы). В данной работе нам представлен новый (не слишком обычный и заключающий в себе мощный научный потенциал) подход к рассмотрению прозы Бестужева-Марлинского: сквозь призму осуществленных (представленных в становлении и развитии) и неосуществленных

творческих замыслов. Их число (четыре) определило четырехчастную структуру работы, их разнообразие – конкретизацию основных задач исследования для каждой из глав.

Первая глава («Творческая история “Поездки в Ревель”») представляет одно из ранних произведений Бестужева-Марлинского (1821 г.) под новым углом зрения. Этого удастся добиться рассмотрением жанровой природы «Поездки» в контексте научных штудий Вольного общества любителей российской словесности, членом и деятельным участником которого состоял Бестужев. Явная и достаточно строгая приверженность общества жанру «ученого» путешествия (со всеми историческими, этнографическими и культурными атрибутами), как подробно показано в работе (на развернутой документальной основе), в полной мере воспринята и усвоена Бестужевым, но при этом претворена в индивидуальный текст с сильной художественной составляющей в обеих его частях, но в особенности во второй.

На основе текстологического сопоставления двух публикаций повести (журнальной и самостоятельной, в виде отдельного издания), в работе выдвинута идея создания автором второй редакции повести. Процесс работы над ней (при отсутствии рукописей) успешно воссоздан на основе сравнительного анализа текстов и эпистолярной составляющей творческой истории. Письма (как вехи истории создания бестужевских текстов) имеют в представленном исследовании очень большое значение. Оно особо оговорено и самим автором работы, отметившим определяющую роль эпистолярной Бестужева в возникновении собственного творческого замысла. На основе писем (в том числе впервые вводимых в научный оборот) удалось раскрыть важный этап переработки текста, связанный с обращением Бестужева к Н.И. Гнедичу 26 марта 1821 г. (с просьбой о редакции), а также выявить карамзинскую составляющую повествования. Последняя подтверждена сравнением текста отдельного издания с текстом вышедшего в апреле 1821 г. и прочтенного Бестужевым тома 9-го «Истории государства Российского». Этот «карамзинский» этап переработок документирован двумя письмами Бестужева-Марлинского Булгарину (от 26 мая и 20 июня 1821 г., второе введено в научный оборот впервые). Соотнесение двух печатных текстов «Поездки в Ревель» позволило определить основные линии переработки произведения: насыщение его историческими и этнографическими реалиями, усиление лирической составляющей - при одновременной стилистической правке, отражающей стремление к эмоциональной сдержанности и лаконичности. Жанр произведения при этом синтезировал в себе две противоположные тенденции: «...стремлению приблизиться к жанровым канонам “ученого путешествия”

противостоит <...> не менее явное и вполне осознанное стремление уйти от этих канонов» (с. 36).

Проделанное исследование дало возможность (впервые) представить жанровую историю «Поездки в Ревель», а также воссоздать (на документальной и текстологической основе) процесс работы над второй редакцией произведения. Безусловным украшением этой части работы является этюд о взаимоотношениях Бестужева-Марлинского с Н.И. Гнедичем.

Особое место в главе занимает фрагмент, связанный с характеристикой бестужевского эпистолярного наследия и проблемами его публикации. Здесь справедливо акцентировано отсутствие полного издания писем Бестужева и даже их указателя (одна из многочисленных прорех в представлении классического наследия первой половины XIX века), а также сообщены очень важные сведения о предшественнике, Г.В. Прохорове, и его сохранившемся (в виде машинописи) труде – «прокомментированном собрании всех сохранившихся писем» Бестужева-Марлинского с начала 1820-х гг. (всего 437 единиц) (с. 8). В диссертации содержится краткая характеристика этой научной работы.

Выбор именно «Поездки в Ревель» для подробного рассмотрения оправдан – это в своем роде итоговое произведение раннего этапа творчества Бестужева-Марлинского, во многом определившее последующее развитие его прозы: в сторону от научной историчности к художественности, от жанра путешествия к собственно повествовательному. Этот исследовательский ход (избрание в качестве точки творческого отсчета «Поездки в Ревель» с ее гармоничной оппозицией научного и художественного) оказался очень действенным и в полной мере реализованным в последующих главах диссертации.

Все они посвящены невоплощенным замыслам Бестужева-Марлинского. В первой половине 1820-х гг., как показано в работе, таковых было немало, причем совершенно разнородных: персидская сказка, пьеса, роман и другие. Во второй главе диссертации рассмотрен один из них - «Неосуществленный замысел “московских записок”». Биографической и творческой основой этого замысла послужили две поездки Бестужева в Москву (в 1823 и 1825 гг.), где он в качестве соиздателя альманаха «Полярная звезда» пересекался со своими авторами: Денисом Давыдовым, М.А. Дмитриевым, С.Д. Нечаевым, С.Е. Раичем. Здесь, как и в случае с Н.И. Гнедичем в первой главе, мы имеем дело с краткими (документированными) этюдами, в которых очерчены творческие контакты Бестужева с указанными лицами. Справедливо отмечено, что наиболее значительным и важным для Бестужева оказалось знакомство и сближение с П.А. Вя-

земским, который к этому времени также был участником альманаха Бестужева-Рылеева. В диссертации высказано предположение (на основе тщательного анализа писем Бестужева и Вяземского) о зарождении замысла «московских записок» (условное название) еще в пору первого пребывания в Москве и непосредственной принадлежности этой творческой идеи именно Вяземскому. В исследовании показано, что первое письмо Бестужева Вяземскому (от 21 марта 1823 г.) по возвращении в Петербург является продолжением начатого в Москве разговора, т.к. Бестужев с сомнением отзывается на уже сделанные предложения включить в «Московские записки» исторический экскурс и очерк современной московской жизни. В ответном письме от 8 апреля 1823 г. Вяземский конкретизировал свое предложение, по сути представив подробно разработанный план «московских записок», в котором была означена безопасная историческая составляющая («Предания старины; 1812 год, который все еще не проломлен нашими писателями <...> русская литература, долго имевшая Москву столицею своею и колыбелью <...> некоторые лица, господствовавшие в ней: Новиков, Херасков...») и беспокойная современная с двойственной оценкой «влияния Москвы на Россию»: «...пагубное и целебное» (с. 52).

Причины отказа Бестужева от реализации этого замысла (в письме от 21 марта 1823 г., еще до получения предложенного плана), обозначенные и детально проанализированные в исследовании, связаны с каждым из намеченных Вяземским аспектов записок. Первый, исторический, был отвергнут Бестужевым как уже пройденный, оставленный и, по его мнению, не представляющий интереса для большинства читателей: «Да и многие ли охотники до истории!» (с. 52). Здесь опорой аргументации замечательно послужил материал первой главы. Более того, автор подчеркнул сходство рассмотренного в ней текста и предложенного плана московского путешествия: «Структурно и тематически замысел “московских записок” напоминает бестужевскую “Поездку в Ревель”» (с. 54).

Отказ Бестужева от второго, современного аспекта «московских записок» потребовал самостоятельного рассмотрения и объяснения, довольно обширного. Оно оказалось непосредственным образом связано с альманахом «Полярная звезда» - его авторским кругом, текстами и критическими статьями самого Бестужева, его знаменитыми «Взглядами...». Эта часть диссертации представляет самостоятельную ценность (как аналитический очерк истории альманаха), но одновременно выполняет поставленную задачу – ответить на вопрос о причинах неготовности Бестужева к созданию современной части «московских записок». Главную причину автор исследования усматривает в определенной, к тому времени сложившейся (во многом

примирительной) издательской стратегии Бестужева, направленной на привлечение к сотрудничеству авторов разных уровней и эстетических взглядов и благожелательную (без заострений) оценку сочинений, рецензируемых в его собственных обзорах. Здесь с научным бесстрашием представлено очевидное расхождение публичных (печатных) и эпистолярных (затаенных) аттестаций поэтов и прозаиков. Бестужев шел на это осознанно, оберегая статус альманаха. Рассмотрев именно в этом русле предложение Вяземского о создании очерка культурной жизни современной Москвы (со всеми вытекающими для альманаха последствиями), он почел за лучшее от такой идеи отказаться.

Предпринятое во второй главе исследование истории замысла «московских записок» потребовало создания уже иного (по сравнению с первой главой) инструментария, включающего и характеристику связей Бестужева с московским литературным миром, и раскрытие его сложных (творческих и личных) взаимоотношений с Вяземским, и рассмотрение позиции Бестужева-издателя. Ответы на поставленные в главе вопросы даны – на фоне глубоко проработанного биографического и литературного контекста, который и сам под новым углом зрения предстает более многомерным и глубоким.

Третья глава посвящена творческому замыслу времен якутской ссылки (1829 г.). Бестужев, оторванный от литературной жизни, страдающий от известий о несогласованных, бесцеремонных публикациях его произведений, вынашивал в ту пору замысел издания монографического альманаха, состоящего из его собственных текстов – прозаических и стихотворных. В этой части диссертации подробно охарактеризована организационная (в том числе финансовая) составляющая этого проекта на фоне общей картины издательского дела в данной сфере.

Замысел альманаха был неразрывно связан с творчеством Бестужева тех лет, поэтому абсолютно логичным выглядит специальный параграф, этому творчеству посвященный. В нем полно представлены эстетические взгляды Бестужева того времени (обращенные преимущественной к проблеме разграничения романтического и классического искусства), литературные интересы (связанные во многом с двумя ипостасями классической немецкой поэзии – чувством и разумом, воплощенными в художественных мирах Шиллера и Гете) и стихотворные опыты (даны в виде сопоставления одноименных стихотворений Бестужева и Баратынского).

Очевидно, что, последовательно продвигаясь по хронологической канве творческой биографии Бестужева, автор диссертации не только рассматривает все новые и

новые темы и проблемы этой биографии, но и осваивает и представляет читателю новые пути и способы исследования, умело и точно найденные для адекватного решения выдвинутых в каждой главе и каждом параграфе задач.

В заключительной главе диссертации (четвертой, самой обширной) очень подробно рассмотрен один из важнейших творческих замыслов Бестужева 1830-х гг., связанный с попыткой создания исторического романа «Вадимов», посвященного русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Значительность этого замысла отражена уже в самой композиции главы – она состоит из пяти параграфов (при обычных двух в трех предыдущих), в каждом из которых решается самостоятельная научная задача. В первом, что вполне логично, представлена творческая история романа, охарактеризованы уцелевшие главы и фрагменты, описана история их издания. Отмечены проблемные точки в изучении творческой истории, в частности не вполне ясная ситуация с текстом «Выстрел», которую одни исследователи рассматривают как самостоятельное произведение, другие (к которым присоединяется автор диссертации) – как органичную часть романного замысла.

Присущая работе приверженность к рассмотрению замыслов Бестужева в тесной связи с историко-литературным контекстом продиктовала тематику двух следующих параграфов. Один из них (по счету второй) посвящен историософским взглядам Бестужева (тяготевшим к философскому осмыслению прошлого – историк «должен парить над веками, а не с толпой проходить их», письмо к матери от 25 января 1829 г. – с. 111) в сопоставлении с полемикой вокруг вышедшего последнего (двенадцатого) тома «Истории государства российского» Н.М. Карамзина и «Истории русского народа» Н.А. Полевого. Здесь представлены позиции участников этой научной дискуссии (И.В. Киреевского, М.П. Погодина) и наиболее подробно – Н.А. Полевого (с его рецензией на труд Карамзина и собственной «Историей русского народа»), который оказался для Бестужева единомышленником в критическом осмыслении труда Карамзина – с его конкретикой, отрывом от истории всеобщей, летописным следованием за историческим процессом. В письме к матери от 19 января 1831 г. Бестужев аттестует Карамзина как «...человека без всякой философии...» (с. 120).

Следующий (третий параграф) рассматривает проблему историзма в ее литературном преломлении – в связи с избранным самим Бестужевым (в «Вадимове») жанром исторического романа. Здесь очень лаконично, сжато и вместе фактически насыщено представлена бурная полемика вокруг этого жанра, с освещением позиций Н.А. Полевого, Н.И. Надеждина, Ф.В. Булгарина и самого Бестужева-Марлинского.

Последний, как показано в исследовании, отстаивал собственную концепцию жанра, которая включала: убежденность в единстве законов мировой истории, признание (в противовес Надеждину) «романного содержания» в русской истории (в том числе допетровской), рассмотрение исторического исследования и исторического романа как равноправных форм воплощения прошлого, выдвижение (при сохранении исторического фона) на первый план вымышленного героя («...ищите человека в истории...» - с. 133). Этот экскурс в историю жанра служит основательной предпосылкой для рассмотрения собственно бестужевого романного текста (его сохранившихся частей) и попытки реконструкции его сюжета.

В исследовании прочерчивается история возникновения и трансформации замысла Бестужева – от романа из истории Древней Руси до обращенного к событиям недавнего исторического прошлого: русско-турецкой войне 1828-1829 г. и ее важнейшему эпизоду: осаде и приступу Ахалциха. Опираясь на статьи и письма Бестужева, в той или иной мере отражающие его понимание истории и логику ее романного отражения, автор выдвигает ряд гипотез, связанных с развитием двух сюжетных линий (древней, индийской, и исторически близкой) и своеобразием двух человеческих судеб. Каждая из них становится реализацией представления Бестужева о мировой истории как о двух эпохах (дохристианской и христианской), в одной из которых доминирует судьба, а в другой воля. В исследовании подчеркнут предположительный характер возможных трактовок романских событий и биографий главных действующих лиц. Вообще стоит отметить, что твердость убеждений и выводов (во всем тексте диссертации) гармонично сочетается с благородной сдержанностью, осторожностью, допущением иных взглядов и интерпретаций. Это только усиливает авторские позиции, демонстрируя их научную основательность.

Пятый параграф представляет собой монографический (очень убедительный) анализ рассказа Бестужева-Марлинского «Он был убит». Допуская связь этого текста с неосуществленным замыслом романа (и даже принадлежность ему), автор рассматривает сюжетно-композиционную основу этого не случайно выбранного произведения, доказывая, что даже в нем высвечивается одна из острых творческих проблем – трудность организации разнородного художественного материала. Очевидная даже в небольшом тексте, она стала одной из основных при попытке создания объемной романной формы.

В «Заключении» сжато и четко представлены основные итоги исследования.

В работе подобного характера, построенной на очень основательной источниковедческой базе (в том числе архивной), помимо всех необходимых,

предписанных диссертации разделов, изначально стоило ожидать дополнительного, факультативного, и он, конечно, присутствует – в виде обширного приложения, в котором последовательно, детально представлена «Издательская история “Русских повестей и рассказов”» (1832-1834). Эта часть исследования даже в большей мере, чем предыдущие, выполнена на основе огромных архивных разысканий – литературного и исторического характера, начиная от неопубликованной переписки Бестужева с издателями и родными и заканчивая формулярным списком А.М. Андреева – ранее неизвестного чиновника, привлеченного к изданию «Русских повестей и рассказов». Здесь мы имеем дело с готовым разделом для комментария к новому изданию прозы Бестужева.

Общие особенности диссертации, являющиеся ее несомненными достоинствами:

- глубина работы над избранной темой;
- обширный охват материала, намного превышающий заявленную проблематику и придающий исследованию многомерность;
- продуманность композиции, ее индивидуальность и органичность, позволившие обрести главной идее исследования (рассмотрение творческой истории завершенных и незавершенных замыслов) гармоничную форму;
- привлечение широкого круга литературных, исторических, эпистолярных источников; их аналитическое рассмотрение, соотнесение;
- расширение возможностей библиографического корпуса: насыщенность библиографических ссылок материалом, развивающим или подтверждающим идеи автора, иллюстрирующим, детализирующим их; это, безусловно, дополнительный (мощный и гибкий) инструмент научного исследования, придающий ему доказательность, информативность и академическую основательность;
- широкое использование жанра этюда: в раскрытии взаимоотношений Бестужева с Гнедичем, с кругом московских литераторов, отдельно – с Вяземским; использование своего рода диалогического ключа, позволяющего в сопоставлении двух взглядов, двух позиций, двух эстетик, двух текстов раскрыть суть и своеобразие каждой из сторон;
- новизна взгляда на творчество Бестужева, привлечение множества неизвестных ранее архивных источников.

В этом труде очень сильна создающаяся только долгими трудами фактическая, источниковедческая база, поэтому хочется называть его не только обычным словом «исследование», но дополнительно и его реже употребляемым (официальным, словарным) синонимом – «разыскание».

Работа выполнена в замечательных традициях петербургской филологической школы, всегда ориентированной на первоисточник (в том числе архивный), глубокую проработку материалов и фактов, научную тщательность и скрупулезность.

Еще одна традиция, которой (осознанно или невольно) придерживается автор – академическая, точнее традиция академических изданий классиков. Творческая история, нереализованные замыслы, элементы цензурной истории, опора на эпистолярные тексты, архивные разыскания разного рода, этюды (справки) о взаимоотношениях главного героя исследования с литераторами, - все это традиционные разделы комментария академических томов. И выполнена эта работа на академическом уровне.

В диссертации продемонстрирована способность автора (достаточно редкая) равно успешно работать в различных филологических «жанрах»: историко-литературного исследования, текстологической штудии, источниковедческого аналитического обзора, творческой истории произведения, биографического очерка, тематического этюда, монографического рассмотрения одного текста, комментария, архивного разыскания. Все это отражает исследовательскую зрелость автора и его абсолютную готовность к филологической работе в ее различных жанрах.

Замечания в этом случае скорее могут рассматриваться как дань научной традиции.

Рассматривая художественную («бунтарскую») этимологию фамилии главного героя неосуществленного романа (Вадимов) автор справедливо отсылает к ряду текстов и в том числе лермонтовскому «Вадиму». Как кажется, линии пересечения с лермонтовским незаконченным романом могут быть прочерчены подробнее (учитывая еще и актуальность для Лермонтова близкой Бестужеву оппозиции «судьба-воля»).

Проблемы романной организации разнородного литературного материала (отмеченные как важные в случае с бестужевским «Вадимовым») также во многом ведут к лермонтовской романной форме, сотканной из разных художественных текстов, объединенных фигурой повествователя («Герой нашего времени»). Но, вероятнее всего, это уже смежная (иная), тема исследования, хотя и достаточно перспективная.

В тексте диссертации неоднократно упоминается сестра Бестужева – Елена Александровна, сыгравшая огромную роль в его судьбе и творческой биографии. Может быть в дальнейшем, при издании рукописи (которая, несомненно, того заслуживает), имеет смысл подробнее рассказать об этом человеке.

Очевидно, что эти замечания касаются частных и носят рекомендательный характер.

Автореферат и работы, опубликованные по теме диссертации, в полной мере отражают ее содержание, основные положения и выводы.

Фундаментальный подход к научным проблемам, мощная источниковедческая (в том числе архивная) база, продуманная композиция (общая и каждой главы в отдельности), последовательность и мотивированность решений обозначенных научных задач, ясность изложения, - все это в совокупности свидетельствует о том, что диссертация Анны Александровны Поляковой «Опыты реконструкции творческих замыслов А.А. Бестужева-Марлинского 1820–1830-х гг.» является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и соответствует критериям, установленным Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени»), а ее автор без сомнения заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником Отдела русской классической литературы Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН», кандидатом филологических наук Ириной Аркадьевной Зайцевой.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела русской классической литературы 15 сентября 2020 г., протокол № 4.

Заведующая отделом
главный научный сотрудник,
доктор филологических наук

М. И. Щербакова

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

Тел.: +74956905030, e-mail: info@imli.ru Сайт: <http://imli.ru/index.php/8-institut>

